

Жар у Чжоо Чэня спал уже к утру. Сказалось деревенское прошлое: тяжелый крестьянский труд закалил его тело, сделав организм на диво выносливым.

Тем не менее весь следующий день он провел дома, не высовывая носа из крохотной съемной квартиры. Весь его досуг свелся к одному — он решил разузнать побольше о Чжао Синчуане.

Чжао Синчуань. Двадцать семь лет. Молодой предприниматель, холост. Уроженец Суйяна. Исполнительный директор группы компаний «Горы и Реки» и фактически второй человек в совете директоров — главным там числился его отец. Настоящий аристократ, плоть от плоти местной элиты.

Чжоо Чэнь кликнул на страницу компании. От бесконечного перечня регалий, дочерних предприятий и финансовых отчетов быстро запестрило в глазах. Пробежавшись по тексту по диагонали, он вынес короткий вердикт: Чжао Синчуань сказочно богат. Настолько, что в этой стране перед ним открыты любые двери.

Уяснив для себя этот факт, Чэнь закрыл вкладку.

Однако поисковая выдача растянулась на сотни страниц. Чжоо Чэнь пролистал несколько вкладок ниже и с изумлением обнаружил, что у этого сурового бизнесмена есть собственный фан-клуб. Настоящий абсурд.

Поклонницы наперебой превозносили своего кумира за безупречный образ жизни: не пьет, не гуляет, держится с достоинством, эталон благородства. На людях появляется исключительно в строгих костюмах — то на деловых встречах, то на подписании контрактов. У Чжоо Чэня от прочитанного по спине пробежал холодок. Знали бы эти восторженные фанатки, чем их благообразный кумир занимался вчерашней ночью.

Впрочем, нет. Чэнь припомнил точную формулировку Чжао Синчуаня:

"Я сниму тебя на ночь"

Сниму.

Тут пахло вовсе не внезапной вспышкой страсти между двумя захмелевшими посетителями бара, решившими уединиться в отеле. Речь шла о покупке услуг. О банальной сделке. И это пахло статьей о вовлечении в проституцию — чистейший криминал.

Хотя какая тут проституция, думал Чэнь, ведь он себя не продавал. Но Чжао Синчуань явно счел его дешевой игрушкой, которую можно купить по щелчку пальцев. Именно это пренебрежение, эта высокомерная снисходительность задевали Чжоо Чэня сильнее всего.

"Неужели все из-за тех денег на лечение?" — Чжоо Чэнь скептически прищурился. Вполне

вероятно. Синчуань, скорее всего, записал его в категорию беспринципных лжецов, не держащих слово, а отсюда и тотальное неуважение.

Впрочем, после вчерашней выходки они определенно квиты. Стоило Чэню вспомнить багровое от ярости и смущения лицо лощеного директора, как он невольно улыбался. После смачного шлепка по заднице этот индюк должен был уяснить раз и навсегда: легкой добычи не будет. А если решит навязать свои правила еще раз — что ж, пусть бережет задницу.

Башня «Горы и Реки»

Линь Жунжун вошла в просторный кабинет Чжао Синчуаня, дверь в который была приоткрыта.

На этот раз она не стала красться, ступая вполне уверенно, однако генеральный директор даже бровью не повел. Он явно витал в облаках: пальцы застыли над клавиатурой, а взгляд уперся в одну точку. Если бы не блики монитора, отражавшиеся в его расширенных зрачках, Жунжун решила бы, что перед ней восковая фигура.

— Господин Чжао, — позвала она.

Синчуань вздрогнул, возвращаясь к реальности. Заметив стоявшую перед ним Линь Жунжун, он неловко кашлянул и нацепил вежливую маску:

— Жунжун. Извини, задумался. Вчера Юньтин не сильно тебе досадила?

"Шутить изволите? Да любые ее капризы ты с лихвой компенсировал щедрыми отступными", — подумала Жунжун, но вслух лишь мягко ответила:

— Вовсе нет.

— Она не призналась, почему решила прогулять занятия? — поинтересовался Синчуань.

— Подростки, — пожала плечами девушка. — Скорее всего, просто устала от бесконечной зубрежки.

Она сделала паузу и протянула шефу плотную папку.

— Вот досье кандидатов, которых я предварительно отобрала. Взгляните на досуге.

Синчуань принял папку и углубился в чтение. Его лицо оставалось непроницаемым — он не

хмурился, не кивал, просто методично переворачивал листы. Жунжун внимательно следила за ним, безуспешно пытаясь угадать его реакцию.

Ей очень хотелось заметить хотя бы мимолетную перемену в его лице при взгляде на определенную анкету. Это сразу бы выдало фаворита, которого господин Чжао продвигал с таким усердием.

В подборку вошли лучшие голоса из ночных заведений Суйяна, пара одаренных выпускников консерватории и несколько многообещающих провинциальных самородков, чьи демозаписи Жунжун отбирала с особой тщательностью.

Пальцы Синчуаня скользили по бумаге. На странице Линь Биня он едва заметно помедлил.

Карточки кандидатов были отсортированы строго по географическому признаку и площадкам, на которых те выступали.

Линь Бинь, девятнадцать лет. Резидент бара «Геккон».

«Геккон».

Сердце Синчуаня пропустило удар. Значит, следующим должен быть...

В мыслях мгновенно всплыло наглое лицо Чжоо Чэня. Воспоминания о вчерашней безумной ночи лавиной обрушились на него. Синчуаню показалось, будто он физически ощутил крепкую хватку чужих пальцев на своих ягодицах, отчего кожа под дорогими брюками зазудела, а мочки ушей предательски вспыхнули.

"Дерзкий щенок".

На мгновение он полностью выпал из реальности, и лишь негромкое "Господин Чжао..." от Линь Жунжун заставило его стряхнуть наваждение. В голове, похожей на растревоженный улей, забилась паническая мысль: что делать, если на следующей странице окажется резюме Чжоо Чэня? Как реагировать?

Разум Синчуаня признавал: парень чертовски талантлив, и если влить в его раскрутку ресурсы, он без труда покорит музыкальный олимп. Но уязвленное эго наотрез отказывалось иметь с ним дело. Связываться с этим проходимцем — себе дороже. Каким бы завораживающим ни был его голос, гнилой характер все перечеркнет.Пусти такого в шоу-бизнес, и он при первом же удобном случае влипнет в грязный скандал, похоронив и репутацию, и миллионные бюджеты.

Синчуань с напускным равнодушием перевернул страницу.

Никакого Чжоо Чэня. С фотографии на него смотрел совершенно незнакомый юноша, да и название заведения было другим. Он удивленно потер пальцами край листа, проверяя, не слиплись ли страницы. Нет, все верно.

Но почему здесь нет Чэня? Как это понимать?

— Из «Геккона» только один кандидат? — как можно небрежнее спросил он.

Линь Жунжун мгновенно насторожилась, взвешивая каждое слово:

— Вообще-то был еще один парень. Внешность у него потрясающая, очень фактурный мальчик, но бэкграунд... Он окончил всего девять классов, да и на сцене без году неделя. Боюсь, отсутствие образования станет мишенью для критиков. Конкуренты мигом раскопают эту деталь и поднимут вой в прессе. Сами понимаете, люди без должного воспитания и культурного багажа часто оказываются неуправляемыми. Для шоу-бизнеса это мина замедленного действия.

Доводы Жунжун были вполне резонными. В современной индустрии развлечений, где фанатские войны не затихают ни на минуту, а фальшивые идеалы рушатся один за другим, словно костяшки домино, любая мелочь может стать роковой. И все же этот завуалированный намек на то, что парень из низов не достоин шанса лишь из-за отсутствия диплома, уколол Синчуаня.

— Наш основатель, Чжао Далинь, и начальную школу толком не окончил, — холодно заметил он. — Скажешь, он тоже был никчемным? На его развитии это как-то сказалось?

Жунжун мысленно выругалась. "Ну надо же было так влипнуть!" — подумала она, понимая, что босс сегодня просто не в духе и цепляется к словам.

Чжао Далинь приходился Синчуаню родным дедом. Легендарный основатель холдинга и впрямь рос безотцовщиной и не имел образования, однако позже, когда занялся международной торговлей, самостоятельно выучил несколько иностранных языков. Настоящий титан.

Однако равнять великого предка с копеечным кабацким певцом было по меньшей мере глупо. Жунжун прекрасно понимала, что шеф просто срывает на ней злость, но пресмыкаться не собиралась — не на помойке себя нашла. Она говорила чистую правду, и Синчуань, как прагматик, должен был это признать.

Держа спину ровно, она спокойно ответила:

— Председатель Чжао — человек уникальной судьбы, феномен. Сравнить его с рядовыми обывателями не совсем корректно.

Этот ледяной тон отрезвил Синчуаня. Он шумно выдохнул и примирительно поднял ладони:

— Прости. Сорвался.

— Все в порядке, — мягко улыбнулась Жунжун.

Они были сверстниками и бок о бок пропахали в компании не один год. Если отбросить субординацию, их вполне можно было назвать близкими друзьями.

Синчуань вернулся к бумагам. Долистав до конца, он закрыл папку и протянул ее обратно:

— Занимайся этим проектом сама. Полагаюсь на твой вкус.

— Договорились. Пойду работать, — кивнула Жунжун.

Впрочем, фраза "решай сама" звучала скорее как формальность — через месяц ее полномочия временного руководителя подходили к концу, и она со спокойной совестью передаст бразды правления преемнику.

Вернувшись к себе, Жунжун задумчиво повертела в руках распечатку с досье Линь Биня, а затем открыла базу данных на компьютере и вывела на экран файл, который лично отправила в корзину несколько дней назад.

Карточка Чжоо Чэня.

Отрицать очевидное глупо — парень был чертовски хорош собой. Яркая, запоминающаяся внешность: благородный разлет бровей, глубоко посаженные глаза и точеные, словно высеченные из мрамора скулы, которые смягчала едва уловимая юношеская округлость щек. Идеальный холст для создания образа утонченного аристократа.

Вот только происхождение... Парень вырос в глухой провинции на западе страны, да и отсутствие мало-мальски приличного образования доставляло головную боль. Слепить из него безупречного принца, тратя баснословные суммы на пиар, чтобы через полгода желтая пресса раскопала его деревенское детство? Подобный мезальянс грозил обернуться фарсом.

Она со вздохом откинулась на спинку кресла.

"Где господин Чжао вообще умудрился откопать это сокровище с одной лишь смазливой мордашкой? Неужели они и правда кувыркаются по ночам? Ну и каша..."

Жунжун потянулась к телефону и набрала номер Линь Биня, решив переговорить с ним лично.

Парень обладал редким природным даром — его чистый, самобытный голос выигрывал даже на фоне профессиональных вокалистов с академической школой. Она еще неделю назад дала четкое указание скаутам: этот контракт должен быть у них в кармане до начала нового инвестиционного цикла.

Чжоо Чэнь и не подозревал о бурях, бушующих в кабинетах холдинга.

Ближе к сумеркам он, как обычно, пришел на работу. Перешагнув порог заведения, Чэнь с удивлением заметил хозяина бара, господина Чэна, который обычно не баловал персонал частыми визитами. Тот сидел у барной стойки в компании импозантного незнакомца.

Появление юноши не осталось незамеченным. Хозяин бара тут же повернулся к своему спутнику и указал кивком головы:

— А вот и наш Чжоо Чэнь. Легок на помине.

Мужчина неторопливо поднялся со своего места. Разглядев лицо гостя, Чэнь остолбенел. Даже со своей дремучей провинциальной неосведомленностью он прекрасно знал, кто перед ним. Фан Юйхуа. Легендарный режиссер, чьи картины лопатой гребли награды на международных фестивалях.

Юноша вопросительно посмотрел на директора Чэна, пытаясь уловить суть происходящего.

Директор Чэн, добродушный толстяк, который с первыми осенними холодами неизменно облачался в нелепый, но теплый шерстяной жилет крупной вязки — творение заботливых рук супруги, — суетиться не стал. Он мягко взял Чэня за локоть и встал между ними, выступая в роли связующего звена.

— Чэнь-Чэнь, знакомься. Это господин Фан Юйхуа. Думаю, представлять его не нужно? — сияя от гордости, произнес хозяин.

Чэнь сдержанно кивнул, сохраняя лицо.

— Учитель Фан, а это наш самородок, Чжоо Чэнь.

Режиссер вежливо кивнул в ответ. Несмотря на почтенный возраст — Фан Юйхуа разменял седьмой десяток, — его цепкий, пронизательный взгляд лучился здоровьем и недюжинной энергией.

— Рад знакомству, — ровно произнес Чэнь.

Фан Юйхуа окинул его оценивающим взглядом, задерживаясь на деталях, а затем спросил без лишних предисловий:

— Песню «После ветра и дождя» знаешь?

— Знаю.

— Спой. Хочу послушать.

Раз уж именитый гость не спешил раскрывать карты, Чэнь решил вести себя с ним как с обычным клиентом.

— Уважаемый, у нас в заведении заказы принимаются на коммерческой основе, — невозмутимо заявил он.

У директора Чэна от такой наглости едва инфаркт не случился — он отчаянно затеребил парня за рукав, умоляюще округлив глаза.

Однако Фан Юйхуа не обиделся. Напротив, на его строгом лице впервые появилась искренняя, теплая усмешка.

— И какова же такса?

В глазах Чэня вспыхнул азартный огонек:

— Пятьсот юаней.

Директор Чэн мысленно схватился за голову. Вообще-то, фиксированной платы за песни в «Гекконе» не существовало — все держалось на добровольных чаевых и щедрости гостей, но и запретить музыканту устанавливать свои правила никто не мог.

Фан Юйхуа, забавляясь ситуацией, полез во внутренний карман пиджака и извлек оттуда выдавший виды кожаный портмоне.

Чэн попытался было вставить примирительную фразу и отказаться от денег, но Чэнь мягко, но настойчиво прижал его руку к своему плечу, призывая к молчанию. Владелец бара перехватил его твердый, уверенный взгляд и отступил, хотя на сердце у него кошки скребли. Юноша явно вел свою игру, правил которой Чэн пока не понимал.

Режиссер отсчитал пять хрустящих розовых купюр. Чэнь принял их с вежливой улыбкой, ловко сложил пополам и отправил в карман джинсов.

— Приятного прослушивания.

Он легко взбежал на сцену и снял со стойки акустическую гитару.

— Чжуан Чжуан, наш звуач, еще не подошел, так что исполню под гитарный аккомпанемент. Надеюсь, вы не против живого звука.

Финальный аккорд еще вибрировал под пальцами Чэня, когда Фан Юйхуа поднялся с места. С грацией истинного джентльмена ушедшей эпохи он вежливо приподнял шляпу, приветствуя музыканта, пожал руку онемевшему хозяину заведения и, не проронив ни слова, покинул бар.

— Ты с ума сошел?! — накинулся на него директор Чэн, стоило парню сойти со сцены. — С самого Фан Юйхуа деньги драть!

— А почему я должен петь бесплатно? — пожал плечами Чэнь, ставя гитару на стойку. — У него денег куры не клюют, чай не бедный студент из консерватории.

— Да он, может, с деловым предложением пришел! — сокрушался хозяин, всплеснув руками. — Великий мастер! А ну как роль в новом фильме хотел предложить? А ты его... за пятьсот юаней продал! Шанс всей жизни упустил, дубина!

Директор Чэн не был коренным жителем Суйяна, и хотя прожил здесь добрую половину жизни, в минуты сильного волнения в его речи мгновенно проступал колоритный северный говор.

Видя, что старик искренне переживает за его судьбу, Чэнь мягко улыбнулся:

— Ладно вам, не кипятитесь. А как он на вас вышел?

— Да по телефону набрал! — все еще бурчал Чэн. — Сказал, хочет послушать твоё пение. Я вообще сначала подумал, что это пранкеры балуются, и брякнул: "Приезжай в бар, сам посмотришь". А он взял и прикатил! Живьем!

Судя по всему, подробностей хозяин и сам не знал. Чэнь миролюбиво похлопал его по плечу:

— Вот видите. Не стоит забивать голову. Кто знает, что у него на уме.

— И то верно, — вздохнул Чэн, постепенно остывая. — Явился, покрутился, ушел... Станный он какой-то. Все расспрашивал, не балуешься ли ты алкоголем да как со здоровьем дела. Если бы не знал, кто он, подумал бы — терапевт из районной поликлиники на полставки.

— Один ты у нас спокойный как танк, — покачал головой хозяин. — Тебе палец в рот не клади. Эх, а ведь мог бы в кино попасть, прославился бы на всю страну! Говорю же тебе: смотри шире, не хватайся за сиюминутную копейку.

Чэнь лишь лукаво прищурился:

— Если я ему действительно интересен для роли, эти несчастные пятьсот юаней его не отпугнут. А если он просто заглянул от скуки... Ну как я мог упустить случай обобрать миллионера? Совесть бы замучила.

— Твоя правда, — усмехнулся Чэнь. — Зацепил — сам прибежит. А нет — так хоть за вечер не зря попел.

Чэнь хмыкнул.

В кармане настойчиво завибрировал телефон. Взглянув на экран, юноша мгновенно посерьезнел.

«Ян Вэньбо».

Он шумно вздохнул и провел пальцем по экрану.

— Брат, выручай! Мне крышка! — раздался из трубки панический вопль.

У Чэня мгновенно заломило виски. Прижав трубку к уху, он быстрым шагом направился в пустую служебную каморку.

— Что ты опять натворил? — ледяным тоном спросил он.

— Да тут недоразумение вышло... Мы с ребятами немного поцапались. Короче, я в полицейском участке улицы Хунсян.

Чэнь презрительно фыркнул, хотя внутри все сжалось от нехорошего предчувствия.

— «Недоразумение»? И ради этого полицию вызывают? Ян Вэньбо, ты прямо мастер подбирать мягкие слова.

— Ну... тут такое дело, — замялся парень на том конце провода. — Брат...

— Завали хало и не смей называть меня братом. Как только ты открываешь рот и говоришь «брат», у меня начинается очередной пиздец. Говори по делу.

— Ну не кипятись ты, — жалобно заскулил Вэньбо. — Мы тут с пацанами на байках катались... Ну и зацепили слегка одну тачку. Клянусь, там просто царапина! Слегка притерлись.

У Чэня похолодело внутри.

— Сами живы? Люди пострадали?

Решив, что Чэнь сменил гнев на милость и беспокоится о его здоровье, Вэньбо заметно повеселел:

— Да все целы-здоровы, не парься!

— Что копы говорят?

— Шьют проезд на красный. Говорят, наша вина сто процентов. Да там делов-то — копеечная царапина! Но хозяйка попалась сумасшедшая какая-то, орет как резаная, требует кучу денег. Видит же, что мы студенты, вот и решила нажиться, сучка.

Слушая этот инфантильный бред, Чэнь до боли прикусил изнутри щеку.

— Марка машины?

На том конце повисло зловещее молчание. Через пару секунд Вэньбо едва слышно выдавил:

— Феррари...

— И ты смеешь утверждать, что там «просто царапина»? — прошипел Чэнь. — Если совершь еще хоть раз, я бросаю трубку, и выпутывайся сам.

— Ну... фара вдребезги, и капот немного повело...

"Проще говоря, раскатали передок дорогого суперкара", — мысленно подытожил Чэнь.

Он сделал глубокий вдох, пытаясь удержать остатки самообладания, и ровно произнес:

— Я такие долги не потяну. Так что устраивайся поудобнее, ночевать будешь за решеткой.

Вэньбо заверещал так, что заложило ухо:

— Ты это серьезно?! Эй, Чжоо Чэнь, отец тебе велел за мной приглядывать! Обещал ведь, а теперь в кусты?!

Чэнь молча нажал на отбой.

Он бессильно опустился на старый кожаный диван в углу каморки, уставившись невидящим взором в стену. Телефон ожил почти сразу. На экране замигала надпись:

«Мама».

Вэньбо времени зря не терял. Этот придурок сообразил, на какую кнопку нужно нажать — ведь Чжоо Чэнь никогда, ни при каких обстоятельствах не сбрасывал звонки матери.

Чэнь прекрасно понимал эту нехитрую схему, но во рту все равно разлилась удушающая горечь.

— Да, мам, — тихо ответил он.

— Чэнь-Чэнь, сынок, почему ты трубку не берешь?! — запричитала мать. — Вэньбо звонил весь в слезах, говорит, ты его бросил! С ним беда случилась, почему ты не едешь на помощь?

— И какую сказку он тебе рассказал на этот раз?

— Да какая разница, что он сказал! — отмахнулась она. — Немедленно поезжай к нему и помоги! Он твой младший брат, родная кровь, нельзя его бросать в беде!

У Чэня судорожно дернулся уголок рта.

— Мама, ты хоть понимаешь, сколько будет стоить ремонт разбитой им чужой спортивной машины? У меня просто нет таких денег.

— Сколько бы ни стоил, найди! Деньги — дело наживное, новые заработаешь! А если Вэньбо в тюрьму посадят? Он же наша гордость, первый настоящий студент из всей деревни семьи Ян! Ему нельзя жизнь портить из-за железки!

Чэнь зажмурился, не в силах больше выносить этот бесконечный плач. Господи, ну почему он не сошел с поезда на полпути к Суйяну? Почему не сбежал, оборвав все нити, связывающие его с Ян Вэньбо и проклятой богом деревней?

Тогда, на вокзале, его вела слепая интуиция. Странное, почти мистическое предчувствие нашептывало, что именно здесь, в Суйяне, решится его судьба. Ему казалось, будто в прошлой

жизни он уже ходил по этим улицам, дышал этим воздухом. Едва сойдя на перрон, он кожей почувствовал: этот город станет его домом, здесь его место под солнцем.

И вот сейчас, когда заветная мечта была на расстоянии вытянутой руки, его снова затягивало в вонючую трясику чужих проблем. Что делать? Бросить все и бежать? Или пойти ва-банк, поставив на кон собственную жизнь?

Ответ пришел мгновенно. Он не станет трусливо прятаться, менять имя и копошиться на обочине жизни, словно затравленная крыса. К тому же побег не принесет покоя. Мать — Фан Цюфэнь — из-под земли его достанет, будет сосать из него кровь до последнего вздоха. Единственный способ спастись — развязаться с этой семейкой раз и навсегда. Законно, бесповоротно, через суд.

Перед глазами все поплыло от бессильной ярости. Стиснув зубы до скрежета, он заговорил жестко, не терпящим возражений тоном:

— Это последний раз, мама. Слышишь? Передай своему Ян Каю: я вытащу этого дебила в последний раз. С этого момента я умываю руки. Ни одной копейки от меня вы больше не увидите.

В трубке зафонило, послышалась какая-то возня, и грубый мужской голос пьяно заорал:

— Ах ты щенок неблагодарный! Знал бы, хребет тебе еще в детстве переломал! Выросла тварь на мою голову, я из тебя всю душу вытрясу, ублюдок!

Чэнь лишь презрительно усмехнулся в трубку:

— Слышь, козел, ты сначала костыль свой попробуй до Суйяна докинуть. Сиди на жопе ровно и не отсвечивай, старый импотент.

<http://bllate.org/book/18248/1747538>